

03

ОЗОН

АНДРЕЙ ПЛАХОВ

Андрей Степанович Плахов

Озон

**Серия «Классики
мирового кино», книга 3**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55834474

А. Плахов. Озон: Центр культуры и просвещения «Сеанс»; Москва; 2018

ISBN 978-5-9500453-1-8

Аннотация

Свои первые полнометражные фильмы Франсуа Озон выпустил в конце девяностых. За следующие двадцать лет он успел стать одним из самых известных французских авторов. А в России его признали чуть ли не раньше, чем на родине. Но кто этот режиссер на самом деле? Циничный постмодернист или художник с ранимой душой? Знаток женской природы или холодный женоненавистник?

В своей книге Андрей Плахов рассказывает об изменчивой натуре режиссера, работы которого наглядно демонстрируют эстетический слом в мировом кино на рубеже веков.

Содержание

Вступление. Молодой и прекрасный	5
Глава первая. Глоток Озона: голубой период	7
В коротких штанишках: короткометражки	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Плахов

Озон

© 2018 Андрей Плахов

© 2018 Центр культуры и просвещения «Сеанс»

* * *

Вступление. Молодой и прекрасный

Имя Франсуа Озона вот уже лет двадцать на слуху у любителей кино; он – один из самых известных современных французских режиссеров. Еще недавно почитавшийся молодым, Озон недавно встретил свое пятидесятилетие, но для мужчины это не возраст, и он по-прежнему работает в интенсивном темпе, снимая практически по фильму в год.

Озон стал настоящей культовой фигурой в России. Здесь были показаны все его фильмы, не раз он сам их представлял, здесь сформировалась его верная и преданная аудитория. Русский взгляд на Озона несколько отличается от французского – и это стало одним из импульсов для написания книги, которую вы открыли.

В то же время Франсуа Озон как мало кто наплодил по отношению к себе скептицизма и неприятия, часто иррационального. Кто-то не может простить, что он начинал в недрах гей-культуры, кто-то – что предал эту маргинальную культуру и ушел в мейнстрим. Одни считают его творчество слишком легковесным, другие – эстетским, третьи – безвкусным. Ему завидуют – чему конкретно, не совсем понятно, но так принято.

Его картины попадают в конкурсы больших фестивалей,

но редко выигрывают. «8 женщин» – одна из эмблем кинематографа рубежа веков – появилась в конкурсе Берлинале, и только усилия Ренаты Литвиновой, оказавшейся в жюри, заставили дать «Серебряного медведя» коллективу из восьми актрис – одного на всех. Аргумент «против» звучал и продолжает звучать: Озон и так успешен, зачем его еще поощрять призами? Со временем он привык к этому, перестал переживать и обижаться. Главное для него не призы, а возможность работать – а он ее всегда находит.

Этот режиссер интересен не только сам по себе, но и тем, что через его творчество наглядно просматривается слом эстетики мирового кинематографа на переходе от XX к XXI веку. В книге можно узнать и об этом, но в первую очередь это рассказ о кинематографисте, чьи работы способны доставлять зрителям чистое безыскусное удовольствие.

АВТОР ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ: Раисе Фоминой, которая прорубила российским зрителям окно в мир Озона, а ему – в Россию; агентству «Интерсинема»; интеллектуальному клубу «418»; Юлии Скворцовой.

Глава первая. Глоток Озона: голубой период

Именно так, как эта глава – «Глоток Озона», – называлась моя статья 2000 года в газете «Коммерсантъ», которую я позволю себе привести целиком:

Еще два-три года назад имени Франсуа Озона в России не знал никто, кроме десятка кинокритиков, колесящих по международным фестивалям. А за пару лет до этого даже у себя во Франции этот режиссер был известен в довольно узких кругах. Известен как автор короткометражек с фривольным изображением молодежных нравов. Вот, к примеру, сюжет под названием «Девственники»: двое парней, лежа в постели, признаются, что один никогда не спал с женщиной, а другой – с женщиной.

И вдруг как прорвало. Сразу четыре полнометражных фильма Озона прошумели в Каннах, Венеции, Берлине и Сан-Себастьяне (два последних – в конкурсе). Не будет большим преувеличением сказать, что 2000 год прошел под знаком Озона. 33-летнего режиссера стали сравнивать с Бунюэлем и Годаром, а после фильма «Под песком» – с Антониони. Ему удалось поставить фильм «Капли дождя на раскаленных скалах» по сценарию Фасбиндера, что породило еще

одно лестное сравнение. Заговорили про особую «зону Озона», которую он успел обжить в современном кино.

Столь же стремительно произошло вторжение Озона в Россию. В модных барах и клубах Москвы (не без творческих усилий российских прокатчиков) на столах появились спички с надписью «Другое кино» и с кадрами из трех фильмов Озона. Еще на этикетках были эпитеты: дерзкий, скандальный, провокационный, сексистский. Народ заинтересовался. Озон тем временем посетил фестиваль в Петербурге и заявился в Москву.

Все три представленные им картины очень разные, но есть и общий мотив. Один из поворотных пунктов «Крысятника» (оригинальное название Sitcom – «Мыльная опера») – когда юный отпрыск добропорядочного семейства объявляет, что он гомосексуал. Любовный мужской альянс образует завязку «Капель дождя...» Латентное тяготение к сильному полу открывает в себе и один из «Криминальных любовников» – даром что совершил зверское убийство ради прелестей своей одноклассницы.

Но хотя Озон – участник и лауреат нескольких гей-лесбийских фестивалей, на самом деле совсем не только это определяет особую нишу, которую молодой режиссер всего с тремя полнометражными фильмами успел занять в современном кино. После широко разрекламированной (и прежде всего во Франции, стране *cinéma d'auteur*) Смерти Автора остались единичные, рассеянные по киномиру «проклятые

поэты» – экстремальные персонажи, выбивающиеся из ряда вон своим анархизмом, мессианизмом и / или гомосексуальностью. Впрочем, они были всегда, иногда даже во Франции, породившей Верлена и Рембо, но чаще в менее картезианских странах. Таким был Пазолини, таким был Фасбиндер, таким был Джармен.

Озон – воспитанный молодой человек с благополучной биографией – внешне никак не напоминает этих монстров рока – не в музыкальном, разумеется, смысле слова. И все же он близок к этим «цветам зла». Фильмы Озона отличаются давно забытым качеством – кричащей искренностью, которая пробивается сквозь стилизаторский холодок и постмодернистскую иронию. Каждый такой фильм – это крик души и содрогание тела, это вопль юношеского одиночества в мире закоснелых правил и политкорректных стереотипов.

В отличие от датских и других «догматиков», Озон не играет в целомудрие, и если прикрывает наготу чьими-то одежками, это, как правило, благородные туники классического авангарда – того же Бунюэля, того же Годара, того же Фасбиндера. Это – рудименты преданного проклятьям модернизма, который еще не обзавелся спасительной приставкой «пост-».

Искренность куда более неприлична в наше время, чем однополая любовь. Озон – один из самых обнаженных, самых неприличных режиссеров. Этим он смущает многих критиков, которые не знают, как к этому сомнительному

фрукту относиться. В фруктах всегда видится что-то неприличное, не так ли?

И еще я обнаружил в своем архиве несколько наивный пассаж об Озоне того периода, когда мы его только открывали:

Предлагая московской публике глоток Озона, наши прокатчики проявили не только смелость, но и мудрость. Взятые по отдельности, фильмы этого режиссера кажутся более или менее удачными эпатажными экспериментами. Вместе они попадают в художественное поле, которое раньше мы бы назвали авторским, а теперь – вместе с прокатчиками – пользуемся более современным определением: арт-хаус линия «Другое кино».

В коротких штанишках: короткометражки

Озон, будучи студентом парижской киношколы La Fémis, и еще долго после этого ходил в коротких штанишках короткометражного кино.

«СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ» (1988) После семейного ужина все расходятся по своим делам: дочь делает уроки, мать читает, отец прилег поспать. А сынуля тем временем готовит план убийства своих родных. Мамашу он травит ядом, сестре всаживает ножницы в спину, а папу душит подушкой. Затем перетаскивает трупы в гостиную и усаживает на диване, чтобы сделать фото в семейном кругу.

В главных ролях этой первой короткометражки режиссера снимаются: Рене Озон и Анн-Мари Озон (родители), Гийом Озон и Жюли Озон (брат и сестра). Родные Франсуа согласились выступить в этой мрачноватой киношутке, в которой уже заявлены будущие излюбленные темы и мотивы Озона. Буржуазная семья показана как хрупкая цитадель, которая должна пасть от рук бунтаря.

Продолжение этого сюжета мы увидим в следующей короткой ленте, названной Озоном «МОИ РОДИТЕЛИ В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ» (1989). Режиссер снимает своих реальных родителей, биолога Рене и учительницу французского языка Анн-Мари, за трапезами и прогулками, плаванием и игрой

в карты. За идиллией home video брезжит трагический конфликт.

«ПРАВДА ИЛИ ЖЕЛАНИЕ» (1994) Другое название этой короткометражки «Верись – не верись». Группа разнополых подростков играет в «вопросы-ответы» и вытекающие из них действия. Надо полизать ногу парню или погладить ему член через штаны, соприкоснуться языками («У меня СПИДа нет») или залезть девушке в трусы и понюхать руку. Пахнет не мочой, как сначала показалось, а кровью: у девушки первые месячные.

Все три короткометражных фильма, о которых речь ниже, были выпущены в России единым видео-сборником под названием «Нарцисс у кромки лета».

«МАЛЕНЬКАЯ СМЕРТЬ» (1995) Во Франции оргазм называют «маленькой смертью» (la petite mort). Поль (Франсуа Делев) – фотограф, он снимает своего любовника во время мастурбации, на некоторых фото можно увидеть капли спермы на его лице.

Поль находится в давнем конфликте со своей буржуазной семьей. (Вариацию этого сюжета мы увидим через десять лет в фильме Озона «Время прощания».) Он убежден, что отец никогда не любил его, даже в младенчестве, считал сына уродливым и таким запечатлел на фото. К тому же он не выносил геев. Сейчас отец умирает, сестра Камилла (Камилла Жапи) пытается их примирить, но ничего не выходит. Поль пробирается в больничную палату отца и делает фотосним-

ки близкого к распаду тела, вялых гениталий, которые никогда уже не станут источником жизни. Все это вгоняет героя в стресс, и свое раздражение он изливает на своего любовника.

После смерти и похорон брат с сестрой встречаются – и вдруг происходит сближение. Оказывается, она, образцовая дочь, унаследовавшая отцовский бизнес, в личной жизни несчастна. Поль впервые снимает маску мученика, к тому же он узнает от сестры, что отец проснулся во время фотосеанса: «Ему было приятно, что хоть раз ты сфотографировал кого-то из нашей семьи». Перед смертью он передал сыну одну из его детских фотографий, где они изображены вдвоем – любящий отец и хорошенький сынок. Тщательно культивируемая ненависть строилась на мифе.

«ЛЕТНЕЕ ПЛАТЬЕ» (1996) Самая очаровательная короткометражка Озона переносит нас на морской берег Аквитании. Однополая парочка отдыхает под аккомпанемент популярной песни Bang Bang (которую в другом варианте через несколько лет использует Квентин Тарантино для фильма «Убить Билла»). Сочиненная Соло Боно и впервые исполненная в середине 1960-х годов его тогдашней женой Шер, эта песня вошла в репертуар Нэнси Синатры и Фрэнка Синатры, Мины и Далиды. Но в фильме Озона она звучит в исполнении французской певицы Шейлы и в переводе, заметно отличающемся от оригинала. «Нам едва исполнилось десять, мы играли в жандармов и воров... Пиф-паф, он подстрелил меня...» В американском варианте детям всего по пять или

шесть, и они скачут на деревянных лошадках, но суть от этого не меняется. Детская игра перерастает в жестокую дуэль взрослых чувств и отношений, которые можно интерпретировать и как однополюе. Люк (Фредерик Манжено) прямо говорит Себастьяну (Себастьян Шарль), почти голышом манерно танцующему под Bang Bang: «Надоела эта музыка голубых. Перед соседями неудобно».

На самом деле ему надоел Себастьян с его кривляньями, Люка одолевает юношеская истома, он сам не знает, чего хочет, разве что побыть в одиночестве. Прыгает на велосипед и мчится на пустынный пляж, сбрасывает одежду, плавает и загорает в чем мать родила. Его уединение нарушает девушка (Лусия Санчес), ей, как и ему, восемнадцать (хоть она выглядит старше и опытнее), самое время заняться любовью в соседней роще. Люк признается, что для него она первая девушка, был только опыт с мальчиками, а Лусия делает комплимент: «Ты неплохо трахаешься для педика».

Тут важны детали, столь характерные для самого конца XX века – последнего лета постмодернистской невинности, которое воспринимается из сегодняшнего далека как утраченный рай. Все курят (знакомство Люка и Лусии начинается с поисков зажигалки), легко склоняются к сексу, девушка нежно надевает парню презерватив – новый атрибут любовных игр эпохи СПИДа...

Вернувшись на пляж, Люк не находит своей одежды, Лусии ничего не остается, как одолжить ему короткое платье –

голубое в цветочках. В нем он и гонит на велике домой под иронические гудки встречных машин. Со словами: «Тебе не кажется, что я красивая девушка?» – он падает в объятия Себастьяна, а после бурных ласк зашивает порванное платье, несется на пристань, где его ждет Лусия. Лето кончилось, девушка оставляет парню летнее платье как сувенир и отплывает на катере. Прощальный поцелуй, за кадром звучит Bang Bang – позывные первого любовного опыта...

«ПОСМОТРИ НА МОРЕ» (1997) Морское побережье, пляж – одна из ключевых локаций Франсуа Озона. Героиня этой среднеметражной (52 минуты) ленты – Саша (Саша Хэйлс), молодая англичанка, проводит лето с десятилетней дочкой в загородном доме, пока ее муж делает деньги в Париже. На велосипеде возит ребенка посмотреть на море, кормит ее молочными смесями, моет в ванне. Однажды на пороге появляется Татьяна (Марина де Ван) – девушка довольно мрачного вида, она путешествует и просит разрешения поставить на участке свою палатку. Между двумя героинями налаживается контакт, они вместе обедают, ездят купаться. Хозяйка дома проявляет радушие, незнакомка принимает его, что не делает ее более мягкой и любезной. Когда Саша спрашивает, не боится ли она одна путешествовать, Татьяна отвечает, что скорее это ее надо бояться. Кто подумал, будто это шутка, в финале получит полную возможность убедиться в обратном.

Из коротких фильмов Озона этот – самый жестокий. Од-

нако почти до самого конца мы сохраняем иллюзию обычной психодрамы, лишь окрашенной озоновской любовью к полушутливым страшилкам и эротическим двусмысленностям. Это еще и женский дуэт двух диаметрально противоположных типов; впоследствии мы увидим его полнометражную (но не столь радикальную) версию в «Бассейне»; там тоже, кстати, будут англичанка и француженка.

Саша оставила позади романтический период, пиком которого было путешествие с подружкой по Тунису и встреча с пастухом-туземцем: сначала он показался насильником, а в итоге продемонстрировал образец национального гостеприимства. Теперь она, замужняя женщина и мать, убеждает себя, что счастлива в респектабельном браке, только почему-то ее тянет на нудистский пляж, где можно заняться анонимным сексом в кустах. Гостя, в противоположность хозяйке, диковата: она облизывает тарелку и задает чересчур интимные вопросы про роды. Выясняется, что она то ли потеряла ребенка, то ли избавилась от плода...

Когда муж Саши приедет из Парижа навестить свою отдыхающую семью, его ждет то, что было бы слишком мягко назвать шоком.

«Х2000» (1998) Рефлексия на тему надвигающегося миллениума. Урбанистический пейзаж за окном. Засохшее насекомое на стекле. И надпись: «С Новым 2000 годом!» Герой просыпается, рядом спит женщина. Он ищет лекарство от похмелья, пробирается через скопища пустых бутылок, в

другой комнате два бесполох существа с одинаковой короткой стрижкой валяются на полу в спальном мешке. В окне напротив пара занимается сексом. Женщина ложится в ванну и погружается с головой в воду. Мужчина собирает осколки бокалов. По квартире ползают муравьи – популяция нового века. «Муравьи завелись», – резюмирует первые впечатления герой.

«ПОСТЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ» (1998) Озон соединил в этом альманахе семь новелл, некоторые из них были сняты раньше и уже показаны. Одни более, другие менее смешные, лирика вперемешку со скабрзностью. В «ЧЕРНОЙ ДЫРЕ» проститутка делает минет клиенту, одновременно исполняя «Марсельезу» (никто, заметим, не в претензии к Озону из-за оскорбления национального гимна). Этот свой фирменный трюк жрица любви выполняет по спецтарифу, непременно в темноте. Тайна «черной дыры» раскрывается, когда клиент внезапно включает свет...

Самая остроумная из новелл называется «ЧИСТЮЛЯ». Мужчина произносит перед партнершей, впервые наведавшейся к нему в гости, типичную холостяцкую фразу: «У меня такой бардак». Она снисходительно улыбается и говорит, что ей это даже нравится. Женщина не догадывается, что следует за этим. Оказывается, хозяин отвозит стирать простыни к матери в Лимож раз в год, причем только одну – ту, что сверху, а на следующий год другую. Носки носит четыре дня, потом выворачивает и надевает на другую ногу. «Но

это немного неудобно, – начинает волноваться женщина. – Запах и все такое...» И в ответ слышит: «Запах – это как раз очень важно». Дело в том, что современное бесчувственное общество, одержимое собственностью, хочет уничтожить запахи: это что-то вроде хозяйствующего фашизма. Надо пробудить первородные инстинкты. Наше обоняние полностью обезображено капиталистическим обществом, которое исповедует вульгарный либерализм, разрушительный индивидуализм и обонятельный гигиенический конформизм. Ну и, кроме того, чем меньше моешься, тем вернее противостоишь инфекциям. Жизнь – это запах самца, его жидкостей, которые выделяются из носа, рта, подмышек, живота, члена, задницы... Прослушав сногшибательную лекцию, женщина судорожно одевается и покидает квартиру. Самец нюхает оставленные ею трусики.

В остальных новеллах мы застаем в постели то юношу с пожилой дамой, то двух женщин, то традиционную пару, у которой ничего не получается (новелла «ЛЮБОВЬ В ТЕМНОТЕ»). Мужчина хочет потушить свет: «При свете не выйдет, меня это тормозит». Женщина в ярости: «С меня довольно. Вечно попадают парни с проблемами: у одного не стоит, другой не хочет надевать презерватив, третий двух секунд продержаться не может, один хочет, чтобы его оскорбляли матюгами, другому надо палец в задницу засунуть...» Мужчина смиренно соглашается: «Да, с парнями сложно». А поскольку он опоздал на метро и вынужден здесь перено-

чевать, спрашивает, лежа с ней в койке: «Ты не против, если я подрочу?» Женщине ничего не остается, как взглянуть на ситуацию с гуманитарной позиции: «Ну ладно, если порадовала хоть одного парня, ночь не прошла даром».

Маленький шедевр в этой коллекции экранных анекдотов – крошечный фильм «ДЕВСТВЕННИКИ». В постели двое парней-тинейджеров. Один убеждает другого, что отсасывает лучше, чем девушка: «Уверен, что они кусаются». После проверки следует признание, что оба они девственники – только в разном смысле слова. Впрочем, один из них успел расстаться с девственностью в течение тех трех минут, что длится фильм.

«ПРЕЛЮДИЯ» (2006) В основе сюжета – рассказ «Недооцененный» Анри де Монтерлана, французского писателя XX века, известного довольно скандальными (в том числе женоненавистническими) взглядами и поступками. Но в данном случае, особенно в интерпретации Озона, сами эти взгляды становятся объектом едкой иронии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.